

Андрей Бартенев:

«Гаечным ключом можно хорошо отмонтировать лицо соседа!»

Андрей Бартенев – один из тех немногих людей, благодаря которым современных художников принято считать людьми не вполне здоровыми в психическом отношении. В основном, конечно, из-за внешнего вида. Бартенев ходит по улицам в костюме, напоминающем водолазный, но оранжевого цвета. При этом на голову надето, как правило, что-то похожее на тюбетейку, на ногах может располагаться все, что угодно, вплоть до автомобильных шин, а в качестве белья Бартеневым используются картон, папье-маше, оберточная бумага, водопроводные трубы, древесина, зерно, наклеенное на голое тело, гаечные ключи, медицинский лейкопластырь, фурнитура и пр. Между тем Бартенев – один из тех немногих людей, благодаря которым ходить по улицам не так противно, как могло бы быть. Более того, даже обычное сидение в кафе с Бартеневым может стать театрализованным представлением. С декорациями, костюмами, актерами, актерами второго плана, зрителями, аплодисментами и занавесом. «Я буду в черной рубашке», – сказал, назначая встречу по телефону, корреспондент «ВК» Андрею Бартеневу, так как раньше они не были лично знакомы. «А я, – ответил Бартенев, – в пальто с обезьянками». Так мы узнали друг друга.

– Мне суп из грибов, но прозрачный, – сделал заказ самый красивый одетый художник страны. – А что это у вас такое с баклажановой икрой? Что это за икра такая? Из банок, что ли? Ой, ужас какой.

Икру подавали с тигровыми креветками, что стало причиной комментариев и воспоминаний:

– Какое-то странное сочетание: баклажаны с тигровыми креветками! В Норильске было одно кафе, где сидели белочка и обезьянка. Тоже странное сочетание животных.

– Проблема сочетаний важна? Вы как-то заметили, что у феи не может быть одновременно голубых волос и платья с блестками.

– Конечно, не может. Фея тогда станет похожей на, не знаю, на баклажан, наверное.

– А на что, в принципе, должна быть похожа фея?

– Она должна быть прозрачной.

– Как ваш грибной суп?

– Нет, намного прозрачней. Она должна быть как суп, сваренный из невидимых грибов.

– И в невидимой воде, судя по всему. Какого перформанса ожидать от вас на ближайшем «Арт-Манеже»?

– Он называется «100 игр на одном лице». Участвуют сто человек. Они будут друг друга красить, монтировать и трансформировать друг друга лица.

– Что это значит?

– Мы заготовили пятьдесят мешков, в которых лежат всякие элементы, которыми можно трансформировать лицо соседа.

– Например?

– Ну, например, обложки журналов, различные игрушки, пробки от бутылок, гаечные ключи, деревяшки какие-нибудь.

– Гаечным ключом можно хорошо трансформировать лицо соседа...

– Ага, отмонтировать будь здоров! А потом мы будем их фотографировать и из всех лиц составлять одно.

– Это будет уже нечеловеческое лицо.

– Поживем – увидим.

– А где вы берете все эти предметы для ваших перформансов?

– Секрет. Если я скажу, туда все побегут. Есть тайные места в Москве. Например, «Детский мир» – одно из тайных мест.

– А правда, что какой-то свой перформанс вы делали из мусора, который нашли в супермаркете?

– Если вы имеете в виду «Гоголь-Моголь, или Приключения невидимых червячков в России», то мы просто делали генеральную уборку в мастерской и получилось

несколько автомобилей, забитых мусором. Из него мы и сделали наш перформанс. И еще у нас было 6000 куриных яиц, которые мы расстреливали из пушек.

– Ваши перформансы, по большей части, это импровизация, никто не знает, что получится в конце...

– В перформансе существует примитивная драматургия. Вы должны только создать определенную ситуацию, а потом все само собой получится. Чистый эксперимент. Этим перформанс и интересен.

– Вы росли среди снегов (в Норильске. – Ред.) и многие ваши образы связаны с традиционными персонажами северного фольклора: Кай, Герда, Снежная королева...

– Сейчас я уже не работаю с национальными культурными мифами. Скорее всего, мое творчество связано опять-таки с сопоставлением: бесконечный белый снег, который воспринимает монументальность, и реальная жизнь.

– Что касается монументальности, то вот у Церетели ее вполне достаточно.

– Ну, это не монументальность. Это просто большие формы ювелирных украшений. Монументальность – это памятник Гагарину на Ленинском проспекте или ракета на ВДНХ.

– Есть мнение, что эти памятники символ и з и р у ю т проблемы с потенциалом у советских чиновников.

– Может быть. Может, у них это и сейчас, хроническое. Если не анализировал. Если судить по нынешней городской скульптуре, то у чиновников, скорее всего, проблемы с пищеварением. Все такое коричневенькое, бургистенькое. Будто остатки пищи.

– Слава Богу, у вас все вроде бы с этим в порядке. Ваш проект – скульптура «Лондон под снегом» – был признан едва

ли не лучшим на прошлой «Арт-Москве».

– Ой, вы видели! Мужчина чуть не упал со стула! Вот как архитектура влияет на нас! Она заставляет нас быть акробатами и героями.

– Вы смотрите телевизор?

– Я использую телеэкран, чтобы смотреть видеофильмы, а не каналы. Мне не интересно, что происходит с миром.

– Даже то, что происходит на Украине? Там же все сейчас ходят в оранжевом – ваш любимый цвет.

– Да, я в курсе. У нас в Киеве 31 декабря будет перформанс «Трусы на палке».

Поэтому, хотелось бы, чтобы там не убили людей.

– Ну, давайте тогда поговорим об оптимизме. Вы ведь оптимист?

– Я пытаюсь обогатить современное искусство новыми темами. Мне все время хочется сделать скачок в сторону, чтобы расширить драматургию искусства и найти новые визу-

альные формы. В начале ноября в Лондоне мы показывали перформанс, посвященный волосам. Он назывался «Бартенев-парикмахер». Там была история, будто бы я открываю донорский центр, приходят доноры и сдают волосы. А потом из этих волос начинают делать линию сигарет, которая называется «Паленые волосы».

– Здорово! А какие фильмы вы смотрите, какие книги читаете?

– Мне нравятся черные голливудские комедии. Помните, где два темнокожих превращаются в блондинок? «Шрек-2» очень нравится. «Я – робот». Весь «Гарри Поттер» и «Властелин колец». Из книг люблю фэнтези. Это все позитив.

– А есть что-то, что раздражает?

– Сейчас – нет. В начале 90-х мне казалось, что в стране должны произойти глобальные изменения. Все должны очнуться, очиститься, искусство должно достичь европейского уровня. Сейчас мне все равно, мой всеобщий патриотизм...

– ... Ваш всеобщий патриотизм?

– Да, я изливаю радость на всех. Я понял, что лучше всего это чувство изливать на видимый тобою пейзаж. Мне показалось, что любовь, которая струится из моих глаз, нужна небу.

– Скоро Новый год. Вроде бы, Год Петуха. Какие костюмы вы бы посоветовали надевать на этот праздник?

– Все зависит от того, рассчитываете ли вы провести в этом костюме всю ночь, или же только одну вечеринку. Для одной вечеринки все очень просто. Берете подушки с перьями, прикладываете булавками к своему офисному костюму и кладете в карман ножницы. Приходите в гости и в 12 часов вспарываете эти подушки.

– Типа хакакири?

– Ну да! И просите подружку разрезать спинку. Все будут очень рады. Костюм для многочисленных вечеринок – сложнее. Я бы рекомендовал купить гречку, либо просо и сделать в мешочке дырочку. И где-нибудь на колено, либо на другую часть тела этот мешочек привязать. И чтобы просо или гречка сыпались из дырочки всю ночь.

– А потом махача найдет тебя и пометит ворота крестиком!

– А потом вы совершенно пьяным несообразяющим человеком по этим следам сможете дойти до дома. И найти свой потерянный мобильник, сумочку и туфли. Или – это для тех, кто любит ублажать различных животных – в правый карман кладете деньги, в левый – то, чем вы планируете удовлетворить петуха. Либо это кусок хлеба, либо семечки, либо, опять же, просо. И когда бьют куранты, вы этот хлеб, просо, либо семечки засовываете себе в рот и правой рукой сжимаете в кармане деньги. Это магический ритуал, посвященный богатству.

Фото Игоря Иванюкова

Bartenev Andrey
8.12.2004

Беседовала Алла АРХАНГЕЛЬСКАЯ